

Семья Журбиных в Америке с 1990 года. И живет очень даже хорошо. Так они сами считают. Хотя и понимают, что по чисто американским меркам до настоящего успеха еще не близко.

Александр Журбин — композитор, член Союза композиторов СССР, вполне благополучный и признанный автор, написавший музыку более чем к пятидесяти кинофильмам, спектаклям, создавший такие известные мюзиклы, как «Пенелопе», «Орфей и Эвридика», «Биндюжник и Король». Он уехал, по его словам, «находясь в зените, в расцвете славы, успеха, финансового благополучия, не испытывая никаких проблем, не считая мелких неприятностей, неизбежных везде и у каждого».

— Во многих случаях перемена судьбы происходит независимо от воли человека. Я сознательно шел на перемену участи. Просто настал момент, когда почувствовал, что достиг здесь, в этой стране, своего потолка. Сделал все, что мог, дальше двигаться было некуда. Дело не в том, что я стал самым первым, а в том, что для самого себя я не смог бы уже сделать больше того, что сделал. В 90-м я смог уехать, не проходя миграционных процессов, не становясь «изменником Родины», уехал абсолютно легально, сохраняя прекрасные отношения со всеми, уехал работать по контракту в США.

— И это оказалось так просто: решил и уехал? И сразу подвернулся контракт?

— Конечно, нет. У этого контракта длинная предыстория. Я много ездил — я же говорил, что моя жизнь в СССР была вполне благополучна. Ездил за рубеж по комсомольской линии, по линии обществ дружбы, был 6 раз в США. Во время этих поездок у меня появились друзья и деловые партнеры, люди, с которыми я сотрудничал. Ну а дальше — случай. Случайно один американский продюсер приехал в Москву. Случайно попал в Театр Вахтангова на «Закат» — спектакль, к которому я написал музыку, по существу — мюзикл. Он нашел меня, предложил поставить мой мюзикл «Закат» в Америке — он владелец большого престижного театра в Филадельфии. Это был мой первый серьезный проект в США. К исходу первого года моего пребывания в Америке я уже жил в Манхэттене, сердце Нью-Йорка. Вместе с семьей.

— А почему именно Америка? Просто потому, что именно американский продюсер встретился первым?

— С самого раннего детства я был увлечен Америкой, как и многие из моего поколения. Джазом, поп-музыкой, кино, музыкальным американским театром.

— Вы говорили о контактах, друзьях, которых приобрели в Америке, когда приезжали туда раньше. Они поддержали вас на первых порах?

— Когда приезжаешь в страну жить навсегда, а не в гости, ощущаешь сразу же громадную разницу в отношении к себе. Приехать в гости с кратковременным визитом — это одно, а приехать на постоянное жительство — это совсем другое. Те, на кого рассчитываешь, кто тебя прекрасно принимал, не то чтобы отворачиваются, нет. Просто относятся уже по-другому. Ты приехал жить? Ну и устраивайся.

— Как в «Кошкином доме»: «Я звал не навсегда, кукареку-кудкуда»?

— Что-то в этом роде. Но ведь сейчас в России со мной происходит примерно то же самое. Ко мне сейчас гораздо больше интереса, чем тогда, когда я здесь жил. В любом месте меня принимают в ту же минуту, немедленно, сейчас. Все готовы все бросить и заняться мною. А в Америке я столкнулся со сложностями. Я стал одним из живущих в Америке композиторов. Я должен пройти все круги. Огромное количество людей в Америке пишут музыку. Но на это не проживешь. Вернее, на это могут прожить единицы. Занятие искусством на Западе — удел людей одержимых, в хорошем смысле, безумных. Бродвейские актеры — довольно бедные люди. Они прекрасные сумасшедшие, ибо могли выбрать себе другую профессию, выучиться на врача, юриста, но стали артистами. Они работают по контракту, который, как правило, заключается на 2—3 месяца. А во время вынужденного простоя артист работает официантом, таксистом и не считает это зазорным. Это нормально. Их психология не похожа на нашу. У нас артист уверен, что лучше он год будет голодать, но не унизится до смены своей профессии. А там понимают, что надо жить и зарабатывать

себе на жизнь. Еще 10 лет назад Мадонна работала тем, что называется «хост», — встречала гостей в ресторане. Пока ей не повезло, и она не повстречала продюсера, который ею занялся.

Я сейчас являюсь членом ASCAP — это американское сообщество композиторов, авторов и издателей. В Америке, к счастью, нет Союза композиторов, ибо американцы справедливо считают, что творческим людям объединяться не нужно. Кроме интриг, это ничего не дает. ASCAP — это объединение по деловому признаку. Эта организация собирает информацию о моих доходах, сообщает о разных необ-

лину-надрыв. И песни в основном минорные. К стыду своему, я и свои старые песни не все могу слушать. Тоже слышу в них уголовные интонации. А уровень нынешних исполнителей — Маликова, Преснякова, Киркорова — низок. Они не выдерживают никакой конкуренции с западными исполнителями. В «Нью-Йорк таймс» была не так давно напечатана огромная статья о русском роке. Корреспондент газеты месяц провел в России, встречался с разными группами и исполнителями, много слушал и сделал вывод: русский рок — мертворожденное искусство. Камня на камне не оставил от русского рока.

НОСТАЛЬГИЯ

19.05.94

Моя жизнь в СССР — 1994 — 19 марта — ходимых мероприятиях, в которых я мог бы принять участие, о «грантах» — премиях. В Америке никто нигде не ходит — все контакты осуществляются по почте, причем в любую точку Америки ваше письмо приходит на следующий день. Вы можете

ПО НЬЮ-ИОРКУ

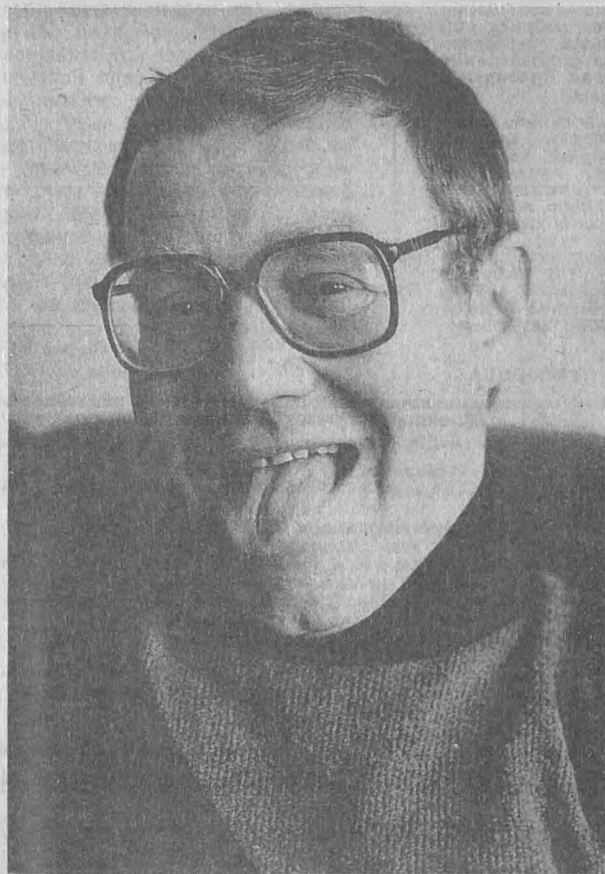

Фото Анатолия БЕЛЯСОВА

Александр

ЖУРБИН

«В России

заметны

перемены.

Пугающие»

отправить любой предмет — и малюсенький конверт, и огромный, и трубочку — все будет доставлено в целости. Вначале меня это удивляло, потом привык и понял, что почта — это признак цивилизованной страны.

— Сегодня мы об этом можем лишь мечтать. Письма гуляют по месяцу, если вообще доходят.

— Да, три недели шло мое письмо из Москвы в Санкт-Петербург. А в Америке любой контакт начинается с письма, написанного грамотно, на компьютере — и только! — с хорошим принтером и на хорошей бумаге. Иначе его даже читать не будут. И необходимо приложить свое резюме. Мое занимает 5 страниц. Рассказ о себе, И, конечно, три рекомендации. От известных и уважаемых людей. Мои рекомендации известны всей Америке — это автор «Скрипача на крыше» Шелдон Харник, великий скрипач Айзек Стерн и литературно-театральный агент Роберт Ланц — он был агентом Бернштейна.

Так постепенно возникают новые проекты, предложения. Непросто. Но я доволен своей нынешней ситуацией. Я уехал очень вовремя. Случайно я угадал. С 90-х годов начался колоссальный кризис в России в сфере искусства. Талантливые композиторы моего возраста, 40-летние, много писавшие для театра, кино, эстрады, — где они? И я не вижу нового поколения музыкантов. Наше поколение — Минков, Рыбников, Максим Дунаевский, Тухманов — это были серьезные имена, все их знали.

А нынешние шлягеры — это примитивные песенки. Российские песни сегодня превратились в полууголовную блатную ма-

19.05.94

здесь, ты можешь сделать это где угодно. — Ну а ваши конкретные дела и планы? — Работаю в музыкальном театре. Сейчас готовлю два проекта. Делаем мюзикл по известной американской книге — «Великолепный невротик, или Нервный красавец» — приблизительно так переводится ее название. Действие происходит в Вене конца XIX века, среди действующих лиц — Фрейд, Малер. Готова пьеса, музыка, уже было первое пробное исполнение, сценическая читка — теперь доделываем, потом еще одно пробное исполнение, потом первые спектакли где-то вдали от Нью-Йорка...

Второй проект — музыкальный спектакль о Высоцком. Бродвейский спектакль по его песням. Его делает группа людей, сделавших спектакль о Жаке Бреле, он стал очень популярен в Америке. Никто не будет подражать Высоцкому — будут

исполнять его песни, переведенные на английский. Я делаю музыкальную аранжировку.

А на жизнь я зарабатываю работой в колледже (соответствует нашему институту), я там профессор, работаю два-три дня в неделю. Преподаю историю и теорию музыки. А также историю театра и кино. Чем интересно в эмиграции, в другой стране — можешь раскрыться в самом неожиданном для себя качестве. Работаю на радио «Свобода». И на роле играю на приемах. Артисты всегда были шутами. Чего особенно заносится!

Но одно из главных моих дел — русско-американский музыкальный театр. О нем писали в московских газетах, была передача на российском телевидении. Необходимость такого театра назрела давно. В Америке миллион русских, и прибывают все новые. Только в Нью-Йорке — полмиллиона русских. Поэтому мы и создали театр для них, для русских, на русском языке. Привычный нам репертуарный театр. У нас играют русские артисты — Елена Соловей, Борис Сичкин, Наумкин, Калиновский, Казинец.

— Как я понимаю, актеры могут теперь спокойно ехать в Нью-Йорк — работа им обеспечена?

— Мы готовим несколько спектаклей, в том числе по «Закату» Бабеля. Сейчас я собираюсь пригласить нескольких московских режиссеров. Марк Розовский придет ставить «Бедную Лизу». Арцыбашев — «Месяц в деревне». Черняховский поставит мюзикл «Блуждающие звезды» по Шолом-Алейхему. Я буду писать музыку, а Гельман — пьесу. В планах мюзикл по повести «Камера обскура» Набокова (ставить будет Кирилл Стрельнев из Екатеринбург). Мюзикл по роману Аркадия Львова «Двор». Так что планов много. И нынешний приезд важен для меня, так как я вел переговоры со многими режиссерами и авторами.

— А ваши жена и сын?..

— Моя жена — Ирина Гинзбург-Журбина — была переводчиком с немецкого, она дочь известного переводчика Льва Гинзбурга. Сейчас она продюсер русского ТВ. Русская жизнь в Нью-Йорке становится все более насыщенной. Издается огромное количество русских газет — два десятка. Появился русский канал на кабельном телевидении. Зрителей много. Это всеамериканская сеть.

Хочу сказать, что на русском ТВ есть еженедельная программа — студия Александра Журбина. Я беседую с разными интересными людьми. С Евгением Кисинем — он мой сосед. Ему 22 года. Он — выдающийся исполнитель двадцатого века. С кинорежиссером Славой Цукерманом. С музыковедом и теоретиком, автором книги о Шостаковиче Соломоном Волковым. Лазарь и Павел Берманы, отец и сын, скрипач и пианист — мои собеседники. Альфред Шнитке, Михаил Шемякин... Возможно, мои передачи будут показаны по одному из каналов Российского телевидения.

Но это — опять про меня, а мне хочется вернуться к моей семье. Моему сыну Льву — шестнадцать. Он — альтист. Талантливый. Учится в Манхэттене, в музыкальной школе. Мы за его обучение платим. Немало. Хотя меньше, чем американ-

цы. Он уже сейчас играет в нескольких оркестрах. Выступал в Карнеги-холле и Линкольн-центре. Деньги уже зарабатывает.

Сочиняет музыку на компьютере. Он весь — электронно-компьютерный. Часами может сидеть у компьютера. У него тысячи знакомых, которых он завел благодаря компьютерным сетям.

Ему проще. Он прекрасно говорит по-английски. Друзья у него — мальчишки-американцы. И он сам уже американец.

— Наша беседа может создать представление о некоей эмигрантской идиллической жизни. Осталось только сложить чемодан и подковать денег на дорогу.

— Сколько бы вы ни взяли с собой денег, их все равно не хватит. С первого же момента в чужой стране ты должен зарабатывать. Например, моя трехкомнатная квартира — неплохая по московским и весьма скромная по американским меркам — стоит 1.700 долларов в месяц. Конечно, я мог бы снять такую же квартиру в Бруклине за 700 долларов. Но я живу в Манхэттене, в самом центре Нью-Йорка. Во-первых, это очень удобно. Все рядом. А во-вторых, престижно. Адрес в Америке играет колоссальную роль.

— А одежда? Или это только мы так рьяно наряжаемся?

— И одежда имеет значение. Дело не в том, чтобы все время ходить в строгой тройке. Можешь быть в джинсах и свитере, но купленных в определенном магазине за определенную сумму. И если на тебе ботинки не за 200 долларов, а за сто, это все видят, даже если на наш взгляд они ничем не отличаются. Ты должен соответствовать своему имиджу и положению. Встречают по одежке.

— Тогда, конечно, и марка машины очень важна. У вас...

— ...машины нет. Это странно, особенно тем, кто знает, что двадцать пять лет у меня была машина. Но в Америке она мне просто не нужна. Я живу в таком месте, откуда до всего, что мне нужно, могу дойти пешком. Нет смысла держать машину. Свою машину иметь очень дорого.

— Вы прекрасно выглядите. Моложавы и подтянуты. Это хоббья пешком сказывается или знаменитый гербалайф, который сейчас вся столица поглощает тоннами, надеясь без особых усилий похудеть и очиститься от шлаков?

— В Америке препаратов, подобных гербалайфу, множество. Но это ведь химия. В Америке гербалайф не так знаменит, как в России, которая просто на нем помешалась. А чтобы похудеть, надо меньше есть и больше двигаться. Я бегаю, хожу вместе с женой в гимнастический зал. Сейчас и в России появились такие залы. Сын в школе занимается баскетболом.

Вообще многие представления меняются в Америке. Например, отпуск, который у меня и моей семьи в России длился практически все лето. Мы переезжали из Коктебеля в Пицунду, из Пицунды в Дубульты... Здесь же все время работают. Но зато много каникул. Коротких, дней по пять. Но за эти несколько дней, если сменить обстановку, побывать, например, во Флориде, можно прекрасно отдохнуть. Это рождественские, пасхальные каникулы, День благодарения, День святого Валентина, день рождения Вашингтона. А поехать куда-либо не проблема — плати деньги. Мы побывали в Пуэрто-Рико, Мексике, Флориде...

— Ну вот, теперь вы устроились, ваша семья и вы обрели свое место в новой жизни. А вся прошлая жизнь осталась далеко-далеко за океаном?

— Я остался гражданином России. У меня здесь квартира, которую время от времени я сдаю. А тоски по Родине нет. Есть тоска по друзьям и той, прежней жизни, где были ВТО, ЦАРИ, Дом композиторов. Но всего этого уже нет. И мой прошлой жизни нет. А новая мне не очень нравится. Хотя внутренние связи не рвутся. Мы, люди, переменившие страну, похожи на кентавров: состоим из двух половинок. Одна моя часть, задняя — осталась в России. И ничего с этим не поделаешь, да и не надо ничего делать. Впитывая все лучшее из другой, в данном случае американской культуры, мы сохраняем свою самобытность.

Вот сейчас я ощущаю ностальгию. По Нью-Йорку. Там моя жизнь и мое место.

Беседу вела
Валентина ФЕДОРОВА.